

С. ПРИТЫЦКИЙ,
*секретарь Молодечненского
обкома КПБ*

ВО ИМЯ СЧАСТЬЯ ТРУДОВОГО НАРОДА

1 января 1959 года белорусский народ вместе с народами других республик Советского Союза празднует сороковую годовщину создания Белорусской Советской Социалистической Республики.

В сентябре 1959 года исполняется двадцать лет со дня воссоединения белорусского народа в едином Белорусском Советском Социалистическом государстве.

В эти дни нельзя не вспомнить о тяжелой жизни и двадцатилетней борьбе трудящихся западных областей Белоруссии против капиталистов и помещиков за свое социальное и национальное освобождение, за советскую власть.

Двадцать лет в жизни народа — это небольшой период. Однако двадцать лет оккупации Западной Белоруссии белополяками останутся для трудящихся этих областей памятными на многие века, как годы жестокого социального и национального угнетения, и в то же время — как годы героической и самоотверженной борьбы против поработителей.

В то время как в Советской Белоруссии под руководством Коммунистической партии строился социализм, трудящиеся Западной Белоруссии были обречены польскими панями на полуголодное существование и постепенное вымирание.

При фашистском режиме Пилсудского и его последней — славы-сладковских, ридз-смиглых и беков — нелегко жилось польскому рабочему классу и трудовому крестьянству. Но трудящимся Западной Белоруссии жилось еще хуже.

Едва дорвавшись до власти, польские магнаты сразу же поделили Польшу на две части: на Польшу «А» (центральная Польша) и Польшу «Б», или так называемые «Кресы восточные» (восточные окраины). Чтобы удержаться у власти, польские капиталисты и помещики, по примеру эксплуататоров других колониальных государств, пытались задобрить свой пролетариат и мелкую буржуазию, понемногу подкармливая их за счет этих восточных окраин.

Центральная Польша имела кое-какую крупную промышленность, в восточных же районах ее почти совершенно не было. Зарботная плата рабочих в центральных районах Польши была в два раза выше, чем в Западной Белоруссии. В Польше «А» интенсивнее велось сельское хозяйство, менее жестоким был полицейский режим. Польшу же «Б», то есть восточные окраины, оккупанты рассматривали как свою колонию и по-хищнически эксплуатировали ее природные богатства и дешевую, почти бесплатную рабочую силу.

За время господства белопольских оккупантов промышленное производство в Западной Белоруссии по сравнению с 1913 годом сократилось на 40 процентов. Средняя зарплата рабочего здесь составляла 15 злотых в неделю, рабочий день продолжался 10—12 и более часов. Труд сельских рабочих, женщин и детей оплачивался еще ниже.

Эти воспоминания написаны автором для сборника, подготовленного к изданию на белорусском языке Институтом истории партии.

Однако даже и такого мизерного заработка огромная масса трудящихся не имела. Согласно официальным данным польской статистики, только в городах Польши в 1939 году насчитывалось полтора миллиона безработных. Если же учесть безработных в деревнях, которых никто не регистрировал, и наполовину безработных, это количество превышало три миллиона человек.

Крестьянство Западной Белоруссии задыхалось от земельного голода. Шестнадцать тысяч польских помещиков, составлявших всего лишь 0,9 процента населения, владели большей половиной земли. Земля принадлежала таким магнатам, как Радзивиллы, Сапеги, Черторисские и другие. Значительная часть лучших земель находилась также в руках католической церкви, кулаков и осадников.

Сотни тысяч безземельных и малоземельных крестьян Западной Белоруссии вынуждены были с сумой за плечами бродить от города до города в поисках работы и куска хлеба. Но города и без того были переполнены безработными. Спасаясь от нищеты и голодной смерти, тысячи крестьян оставляли свои семьи, родные места и уезжали в Соединенные Штаты Америки, во Францию, Германию и другие страны. Однако и там их ожидала судьба безработных или жестокая эксплуатация.

Тогдашняя Польша была слабо развитой в экономическом отношении страной. Национальный доход ее был незначительным. На содержание государственного аппарата, судов, тюрем, полиции, дефензивы требовались огромные средства. Кроме того, много средств шло на выплату долгов странам Антанты, и прежде всего Франции, а также на подготовку войны против СССР.

Все эти средства польское правительство вытягивало из трудящихся, немилосердно эксплуатируя их. Чего только ни придумывали власти, лишь бы высосать из рабочих и крестьян последние соки!

Мало того, что зарплата была крайне низкой. Кроме этого, создавались высокие монопольные цены на промышленные товары и предметы первой необходимости (соль, сахар, табак, спички и т. д.), и в то же время — низкие цены на сельскохозяйственные продукты.

Если один пуд хлеба стоил 2,5—3 злотых, а десяток яиц 10 грошей, то восьмушка махорки — 70 грошей, коробок спичек — 10 грошей. Таким образом, за один пуд хлеба крестьянин мог купить три — четыре восьмушки махорки, а за десяток яиц — лишь коробок спичек.

Трудящихся душили многочисленными налогами. Еще больше было всяческих штрафов. Крестьяне были поставлены в такие условия, что буквально не могли сделать без штрафа ни одного шага. Забор не перекрашен — штраф (5 злотых), труба не побелена — штраф, едешь по дороге не по указанной стороне — штраф, лошадь не ввездана — штраф, на телеге нет таблички с точным адресом хозяина — штраф, нет ведра с колесной мазью — штраф, собрал вязанку гнилых сучьев в помещичьем или государственном лесу (а иных лесов не было) — штраф, сорвал гриб или ягоду — штраф, имеешь спичку без клейма — штраф, пользуешься огнивом и трутом — штраф, расщепил спичку на четыре части — штраф...

За самовольную посадку табака карали не только штрафом, но и тюремным заключением. За единственный стебелек табака без суда и следствия давали месяцы тюрьмы, а за двенадцать — год, за двадцать — два года и т. д.

Массовая безработица, земельный голод, бесчеловечная эксплуатация, неимоверные налоги и штрафы доводили трудящихся Западной Белоруссии до крайней нищеты, чего не утаивали даже официальная польская пресса и правительство.

Люди старшего поколения помнят, как они обрабатывали помещичью землю за третий сноп и ели хлеб наполовину с мякиной и картошкой, как им приходилось месяцами жить без соли, делить спичку на четыре части, на четырех человек покупать восьмушку махорки, при лучине сидеть по вечерам, ходить в самотканой одежде и носить опорки на деревянных подошвах.

Особенно безрадостной была жизнь детей и молодежи. Тяжелые жилищные условия, недостаток средств для приобретения одежды и обуви, систематическое недоедание — все вызывало частые заболевания и эпидемии, уносившие тысячи юных жизней.

Тех, кто оставался жив, ожидала одна судьба: быть темным и бесправным невольником капиталистов и помещиков.

Нашим советским юношам и девушкам бывает удивительно и не совсем понятно, когда они слышат о том, что в капиталистических странах для детей трудящихся закрыты двери в школы и высшие учебные заведения. А закрываются эти двери очень просто. Так, например, в панской Польше обучение в гимназии стоило 900 злотых в год, в то время как цена коровы не превышала 250—300 злотых, пуда ржи — 2,5—3 злотых. Стало быть, для того, чтобы послать своего сына или дочь в гимназию, крестьянин должен был продать две—три коровы или 300 пудов ржи. Естественно, что при всем своем желании он не мог сделать этого. Вот почему большинство населения в панской Польше было неграмотно.

Трудящиеся Западной Белоруссии страдали не только от тяжелого социального гнета, но и от жестокого национального угнетения. Польские оккупанты всячески стремились лишить белорусский народ его национального самосознания. Они доказывали, что белорусской национальности никогда не было и нет.

Школы, книги, газеты на белорусском языке, за исключением нескольких грязных листков, издававшихся белорусскими националистами Островским и Луцкевичем, были запрещены. В государственных учреждениях белорусам не разрешалось разговаривать на родном языке.

В каждом белорусе представители польских властей видели большевика, бунтовщика. Поэтому белорусам не разрешалось занимать какие-либо посты в армии, работать в государственных учреждениях и на некоторых предприятиях. С помощью всяческих фашистских и националистических организаций (которых было много), ксендзов, помещиков, чиновников, учителей и осадников велась усиленная полонизация западнобелорусского населения и оголтелая кампания против Советского Союза, разжигалась национальная вражда. Все это сопровождалось систематическим унижением не только национального, но и человеческого достоинства белорусов.

Тяжелой эксплуатацией, кровавым террором и идеологическим воздействием польские оккупанты старались превратить трудящихся Западной Белоруссии в послушных невольников, полурабов, в бессловесную рабочую силу. По отношению к белорусам у них не было иного слова, как «быдло».

Белорусский народ ни на одну минуту не склонял свою голову перед ясновельможными панями. Он не только страдал, но боролся. Ни тюрьмы, ни пытки, ни полевые суды и виселицы не могли сломить его неуклонную волю к борьбе за свое социальное и национальное освобождение.

Белорусский народ боролся и верил в победу потому, что его поддерживали рабочий класс и беднейшее крестьянство Польши, его борьбе сочувствовал пролетариат всех стран. Путь к победе белорусскому народу освещал великий Советский Союз, где трудящиеся жили без помещиков и капиталистов и успешно строили социализм.

Вдохновителем и организатором борьбы белорусского народа была Коммунистическая партия Западной Белоруссии, входившая в состав Коммунистической партии Польши. С момента своего создания (конец 1923 года) и до 1938 года включительно КПЗБ в труднейших условиях подполья, террора, травли и провокаций была единственным выразителем дум и надежд широких масс трудящихся Западной Белоруссии, руководителем их революционной борьбы.

Основным и главным помощником партии был комсомол, созданный в 1924 году, который под ее руководством вел большую организаторскую и политическую работу среди молодежи, поднимал молодежь на борьбу.

Очень много партии и комсомолу помогали МОПР и большая армия часто незаметных, но самоотверженных и не менее преданных делу революции, чем члены партии, симпатиков (сочувствующих). Симпатиков скрывали у себя и кормили подпольщиков, были у них проводниками и не раз, жертвуя собою, спасали жизнь революционеров. Только благодаря им КПЗБ, несмотря на террор, могла существовать и действовать.

Коммунистическая партия Польши и ее составная часть — КПЗБ в своей деятельности допускали немалые ошибки. Однако они проделали огромную работу по воспи-

танию не только членов партии, но и широких масс трудящихся в духе пролетарского интернационализма и братской солидарности. Вот почему каждое выступление рабочих в Варшаве, Лодзи, Кракове всегда встречало горячую поддержку со стороны трудящихся Западной Белоруссии. И наоборот, выступления крестьян, рабочих промышленных предприятий и лесных промыслов в Западной Белоруссии находили поддержку польского пролетариата.

В Западной Белоруссии почти не было крупных населенных пунктов (местечек) или деревень, где не существовала бы подпольная партийная или комсомольская ячейка, а их влияние ощущалось повсеместно. Особенно сильно революционное движение было развито в Гродненском, Брестском, Кобринском, Пружанском, Пинском, Слонимском, Барановичском, Новогрудском и Косовском поветах.

В 1939 году, во время освобождения Западной Белоруссии, в гродненской дефензиве была обнаружена карта населенных пунктов, «пораженных большевистской пропагандой», созданная, надо сказать, не без знания дела. На этой карте едва ли не все деревни оказались обведенными красным карандашом.

Компартия и комсомол Западной Белоруссии вели героическую борьбу против белопольских оккупантов, против социального и национального угнетения трудящихся. Они выступали за повышение заработной платы рабочих и введение восьмичасового рабочего дня, против эксплуатации детей и женщин. Под их лозунгами неоднократно проходили стачки и демонстрации рабочих в городах, лесных и сезонных рабочих — в деревнях. Эти стачки и демонстрации часто перерастали в открытые выступления против фашистского строя, отличались твердостью, организованностью и классовой солидарностью. Вот один из многочисленных примеров этого.

Весной 1933 года по инициативе коммунистов началась забастовка текстильщиков в Белостоке, продолжавшаяся более трех месяцев.

В ходе забастовки рабочие устраивали демонстрации, во время которых происходили стычки с полицией. В середине мая бастующие рабочие Белостока и Василькова, в количестве более тысячи человек, направились в местечко Супрасль, за восемнадцать километров от Белостока, чтобы остановить работу тамошних текстильщиков. Полиция преградила им дорогу, однако забастовщикам удалось проникнуть на фабрику и убедить рабочих присоединиться к всеобщей забастовке.

В поддержку бастующих текстильщиков в Белостоке были проведены три забастовки всех рабочих города и ближайших фабрик.

Рабочие Варшавы, Лодзи и других городов выносили резолюции протеста, собирали деньги для помощи стачечникам и посылали им письма с призывами бороться до победы.

Положение бастующих текстильщиков, не имевших средств к существованию, с каждым днем ухудшалось. Тогда на помощь к ним под руководством коммунистов и комсомольцев пришли крестьяне Белостокского и Гродненского поветов. Коммунисты, комсомольцы и сочувствующие на подводах с красными лентами на дугах объезжали деревни и собирали у крестьян продукты для бастующих текстильщиков. Волнующим было зрелище, когда многие крестьяне со слезами сочувствия на глазах выносили из хаты последний пуд ржи и отдавали ее сборщикам, чтобы тем самым помочь своим братьям-рабочим.

Зимой 1933—1934 годов началась стачка рабочих лесных промыслов Соколовского и Гродненского поветов, немного позднее перебросившаяся на Слонимщину. В ней участвовало несколько тысяч человек.

На подавление стачки лесных рабочих правительство бросило отряды полицейских, а в качестве штрейкбрехеров — «стрельцов» и кулаков, которым платили большие деньги. В ответ на это рабочие, вооружившись топорами и кольями, организовали пикеты по 100—150 человек, объезжали делянки и прогоняли из леса штрейкбрехеров вместе с их охраной — полицией.

Чтобы заглушить забастовку, полиция в декабре 1933 года арестовала стачечный комитет лесных рабочих и отправила его в полицейский участок в деревне Шудялово,

Соколовского повета. Узнав об этом, более шестисот забастовщиков с красными флагами направились к деревне Шудялово на выручку арестованных товарищей.

Возле полицейского участка собралось несколько сот лесных рабочих. Они потребовали освобождения арестованных. Подросла полиция и открыла огонь по рабочим. При этом комендант полиции убил одного из активных организаторов стачки лесных рабочих — коммуниста Хомчика. Десятки рабочих были ранены. Воспользовавшись замешательством забастовщиков, полиция вывезла арестованных членов стачечного комитета в Соколку, а демонстрацию разогнала.

В январе 1934 года такая же расправа была учинена над лесными рабочими в деревне Жировичи, Слонимского повета.

Чтобы задуть революционное движение, власти организовали так называемую «пацификацию» (усмирительную экспедицию). В деревнях Залессе, Загорье, Сучки, Боровки, Капусты, Окуниново, Русаково Слонимского и других поветов банды полицейских и сыщиков врываются в избы, арестовывали жителей и зверски избивали их. Усмирители срывали крыши с хат, выбивали стекла в окнах, ломали двери, печи, переворачивали бочонки с капустой, высыпали из мешков рожь, крупу, муку, и все это обливали керосином.

Жуткое зрелище представляли собой эти пацификации. Далеко вокруг деревень слышался плач женщин и детей, лай собак и рев неокормленных коров, злобные выкрики и отборная ругань полицейских.

Кроме пацификаций, польские оккупанты широко практиковали создание «постарунков карных» (карательных полицейских участков). Делалось это таким образом. В деревню, где, как предполагала охранка, было развито революционное движение и существовала подпольная партийная организация, приезжали от пятидесяти до ста полицейских и на один — два месяца размещались по избам. В деревне объявлялось осадное положение. Крестьянам запрещали выходить из домов, никто не имел права отлучаться из деревни и заходить в нее, а в нарушителей этого распоряжения полицейские стреляли без предупреждения.

Никогда не забуду то, что мне довелось видеть в апреле 1934 года в деревне Кокощицы, Слонимского повета, где я скрывался от преследования полиции. В то время там действовал карательный отряд. Полиция арестовала мужчин и женщин. Загнали их в помещение школы и до потери сознания избивали резиновыми дубинками. Каратели особенно издевались над молодежью. Девушек подвешивали за косы к постолку, оставляя в таком положении на несколько часов, их избивали, требуя, чтобы они выдали коммунистов и комсомольцев.

Однако ни пытки, ни пацификации не могли принудить лесных рабочих выйти на работу. Белостокские текстильщики бастовали более трех месяцев, лесные рабочие — четыре месяца. Обе стачки закончились победой рабочих. Требования бастующих были удовлетворены. В этих стачках текстильщики и лесные рабочие проявили исключительную стойкость, классовую сознательность и братскую солидарность.

Крестьянские революционные выступления в Западной Белоруссии также имели широкий и боевой характер. Часто они были направлены против тяжелых налогов и дорожной повинности («шарварков»), проходили под лозунгами компартии и комсомола: «Ни единого гроша налогов фашистскому правительству — правительству голода, войны и террора!» При этом во многих случаях дело доходило до кровавых стычек между крестьянами и полицией.

Летом 1932 года, например, в деревню Ковали, Гродненского повета, явились полицейские «секвестраторы» отбирать имущество крестьян за неуплату налогов. В этот день, когда приехали полицейские, в деревне находились лишь старики, женщины и маленькие дети. Все остальные крестьяне работали в поле на уборке урожая. Когда полицейские начали выносить из хат и грузить на подводы вещи, имевшие какую-нибудь ценность, пионеры (у нас были и пионерские подпольные организации) закричали «Пожар!», тем самым созывая людей. Несколько ребят на лошадях помчались в поле. Крестьяне прибежали в деревню, камнями и кольями прогнали полицейских и отобрали у них награбленное имущество.

Осенью 1933 года такая же стычка произошла и в деревне Слоя, а в 1934 году в моей родной деревне Гаркавичи, Соколовского повета. В Слое многим полицейским камнями разбили головы, секвестратору переломали ноги. После этого в деревню приехала карательная экспедиция и арестовала шестьдесят человек молодежи. Несколько суток зверски мучили арестованных, требуя, чтобы они выдали коммунистов и комсомольцев, но напрасно: молодежь мужественно терпела пытки и молчала. Тогда против них сфабриковали судебный процесс. Двадцать восемь человек были приговорены к тюремному заключению на срок от трех до пятнадцати лет. Несмотря на это, фашистам так и не удалось заставить крестьян платить налоги.

Пример крестьян деревни Слоя вскоре стал известен по всей Западной Белоруссии. Он вдохновлял крестьян других деревень на борьбу против налогового гнета.

Упорную борьбу под лозунгом коммунистов: «Долой камасацию!» (хуторизацию) вели крестьяне против захвата кулаками и осадниками крестьянских земель.

В 1932 году в Гродненском повете «камасация» началась с деревни Бараново. Это была большая деревня с сильно развитым революционным движением. Крестьяне выступили против хуторизации. Местным властям очень важно было сломить сопротивление этой деревни. Они рассчитывали, что после этого дело пойдет в других деревнях значительно быстрее и проще. В продолжение нескольких месяцев полицейские и каморники безуспешно пытались добиться своей цели. То, что они успевали сделать за день, за ночь оказывалось сровненным с землей: межевые столбы и колья выворочены, межи перепажаны. Тогда полиция запретила крестьянам пахать и обрабатывать землю на своих полосках. Но на выделенные властями хуторские участки крестьяне сами не пошли. И в результате земля осталась незаезженной, а крестьяне — без хлеба. На помощь к крестьянам пришли коммунисты и комсомольцы. По всем деревням Гродненского повета собирали они хлеб и доставляли его крестьянам деревни Бараново.

Весной 1933 года польское правительство решило любой ценой сломить сопротивление крестьян деревни Бараново. С этой целью полиция арестовала более тридцати коммунистов, комсомольцев и беспартийных юношей. Среди них оказались Константин и Арсений Барановские, Михась Шулейка, Костя Говар, Нарейко и другие (некоторые из них, например Говар и Шулейка, живут и работают ныне в деревне Бараново). Всех арестованных отправили в полицейский участок в деревню Колесники и страшно мучили там. Тех, кто терял сознание во время пыток, бросали в подвал. Придя в сознание и слыша, как наверху пытаются очередную жертву, заключенные хором кричали: «Держись, не выдавай!». И все как один выдержали, никто не выдал товарищей, не выдал руководителей-коммунистов.

В 1933 году я вместе с этими товарищами сидел в одной из камер гродненской тюрьмы. Какие же это были хорошие хлопцы!

Вспоминается такой эпизод. Среди арестованных был юноша из бедняков. Звали его Захаром, фамилии не помню. Он не был ни коммунистом, ни комсомольцем, не умел ни писать, ни читать. Во время пыток его спрашивали, в кого он верит: в господа бога или в Костю Барановского (Барановский был коммунистом, организатором борьбы против камасации в деревне Бараново). Захар, не задумываясь, отвечал, что верит в Барановского. За это ему досталось больше всех. Его били до потери сознания, приводили в чувство и опять мучили, требуя, чтобы он отказался от своих убеждений. Но юноша твердо стоял на своем.

Узнав о пытках арестованных товарищей, подпольный райком партии решил созвать в местечке Индура митинг и организовать массовый поход в Колесники для освобождения заключенных.

В деревне Лаша, а потом в Индурах были организованы многоярусные митинги. Но поход в Колесники не удался, участники его были разогнаны вооруженными до зубов полицейскими, прибывшими из Гродно.

После митингов по всему Гродненскому повету начались массовые аресты. Десятки товарищей, в том числе многие из деревни Бараново, были осуждены на долгие годы тюремного заключения. Но никто из них не раскаивался. Они гордились тем, что

деревня Бараново стала примером в борьбе трудящихся Западной Белоруссии против ненавистой камасации.

Национально-освободительная борьба трудящихся Западной Белоруссии, возглавляемая КПЗБ, не прекращалась ни на минуту с момента оккупации Западной Белоруссии белополяками и до освобождения ее.

Особенно развернутой и острой была эта борьба в 1926—1927 годах, когда Компартия удалось создать легальную организацию — Белорусскую Крестьянско-Рабочую Громаду.

О размахе деятельности Громады, в задачи которой входила борьба за восьмичасовой рабочий день, за землю крестьянам без выкупа, за право Западной Белоруссии на самоопределение вплоть до отделения, о влиянии Громады на широкие массы трудящихся свидетельствует уже то, что эта организация за один лишь год выросла до ста тысяч человек. Во главе Громады стояли белорусские послы в польском сейме Тарашкевич, Валошин и другие.

В начале 1927 года правительство Пилсудского, напуганное ростом влияния Громады, приняло решение ликвидировать эту организацию. Были арестованы Тарашкевич и Валошин, а также тысячи наиболее активных членов Громады. Вслед за тем по всей Западной Белоруссии прокатилась волна арестов членов КПЗБ, начался разгром партийных организаций.

Национально-освободительная борьба несколько сузилась, но не прекратилась. Она приобрела иные формы. Традиции Громады сохранились в культурно-просветительной деятельности кружков ТБШ (Товарищества белорусской школы), находившихся под влиянием КПЗБ. Вскоре после разгрома Громады была создана тоже легальная организация — Белорусский Рабоче-Крестьянский клуб «Змаганне» («Борьба»), которая просуществовала до 1930 года. В этот период во многих деревнях Западной Белоруссии имели место выступления учеников, бойкот ими польских школ.

Трудящиеся Западной Белоруссии вели непрерывную национально-освободительную борьбу потому, что им был ненавистен польский оккупационный режим, обрекавший их на страшную нищету и бесправие. В этой борьбе они выступали за воссоединение с Советской Белоруссией, успехи которой в строительстве новой, социалистической жизни были им хорошо известны, несмотря на границу и террор.

Борьбу трудящихся Западной Белоруссии вдохновляли революционные песни. Иной раз идешь зимней ночью по лесу, и вдруг до тебя долетают слова дружной, заливчатой песни:

Нас не любят, нас боятся
Поп косматый и кулак.
Но решил за дело взяться
Комсомольский молодец!

Или:

Мы на горе всем буржуям
Мировой пожар раздуем!
Мировой пожар горит,
А Пилсудский весь дрожит...

Это пели парни и девчата, возвращающиеся с вечеринки.

Или, бывало, летом лежишь ночью на опушке леса либо просто во ржи прячешься от полиции и слышишь, как дружный хор молодежи в ближайшей деревне поет «Смело, товарищи, в ногу». И так до самого рассвета над утомленными, придушенными горем деревнями, над бедными крестьянскими полосками летала революционная песня — предвестник недалекого лучшего будущего.

Сколько сил и энергии придавали эти песни сынам белорусского народа в их борьбе с польскими оккупантами! С песней шли они на демонстрации, с песней переносили пытки в охранке и проводили долгие годы тюремного заключения.

Белорусские, а тем более революционные песни в Западной Белоруссии были за-

прещены. За пение их предусматривалось наказание тюремным заключением. Но чем больше запрещали такие песни, тем больше распространялись они.

Трудящиеся Западной Белоруссии под руководством Коммунистической партии с гордостью отмечали все революционные праздники: день Октябрьской социалистической революции, Первое мая, день Парижской Коммуны, МЮД, Ленинские дни и другие.

Перед праздниками 7 ноября и 1 Мая распространялась подпольная коммунистическая литература, расклеивались и вывешивались листовки, воззвания, транспаранты, плакаты, призывавшие трудящихся к борьбе против польского фашистского правительства, за свободу, за советскую власть.

Все это приводило в бешенство белопольских оккупантов и поднимало боевое настроение угнетенных. Для нас, подпольщиков, эти дни были настоящей школой боевой и политической подготовки. Особенную активность в эти дни проявляли комсомольцы. Им важно было не просто распространить листовки или вывесить плакаты, но то, где и как их распространить. Одно дело — разбросать листовки ночью на дороге или повесить плакат в деревне. И совсем другое — распространить листовки среди белого дня на рынке или в костеле, в присутствии шпиков и полицейских, а красный флаг вывесить на самом верху костела или здания полицейского участка.

В дни 7 ноября и 1 Мая во всех городах и поветовых центрах организовывались митинги и демонстрации, которые часто заканчивались стычками с полицией. Многочисленные митинги и демонстрации проходили в Белостоке, Вильно, Гродно, Барановичах, Слониме, Косове и т. д. Особенно многолюдной была демонстрация после того, как в 1935 году Компартия приняла решение о создании единого фронта всех прогрессивных партий и организаций для борьбы против фашизма. Эти демонстрации приобретали широкий размах и острую революционную форму не только в городах, но и в деревнях.

Так, например, в числе деревень Гольниковской гмины (ныне Свислочский район Гродненской области) в 1935 году были проведены первомайские митинги, превратившиеся в демонстрации. Демонстранты из деревни Гольнка направились в местечко Кринки, чтобы влиться в демонстрацию тамошних рабочих. Навстречу демонстрантам вышел войт и, угрожая оружием, потребовал разойтись. При этом он несколько раз выстрелил в демонстрантов из пистолета. Возмущенные демонстранты обезоружили и избili войта и троих чиновников гмины. Они также сравняли с землей само помещение гмины. До местечка Кринки демонстрантам все же дойти не удалось: они были рассеяны полицией. Сотни крестьян после этого оказались в тюрьмах. Такие же демонстрации происходили и во многих других местах.

Партия и комсомол поднимали трудящихся на борьбу против подготовки войны с Советским Союзом. С помощью широкой массово-политической работы вскрывались военные мероприятия польского правительства, саботировалось строительство военно-стратегических дорог, уплата налогов, всяческих сборов на военные мероприятия и т. д. Несмотря на то, что коммунистам и комсомольцам, действовавшим в армии, в случае выявления их, как правило, приписывали шпионаж в пользу Советского Союза, что в большинстве случаев грозило смертью, в частях польской армии существовала широкая сеть партийных и комсомольских организаций.

Коммунисты и комсомольцы воспитывали солдат в духе солидарности с трудящимися СССР, призывали их не стрелять в рабочих и крестьян во время стачек и демонстраций. Не случайно поэтому, что в дни революционных праздников во всех гарнизонах польской армии солдатам запрещалось покидать казармы. Для подавления революционных выступлений польское правительство использовало отряды полиции и «стрельцов», так как солдаты, вместо того чтобы разгонять демонстрантов и стачечников, часто братались с рабочими и крестьянами.

В Западной Белоруссии неустанно велась борьба за демократические права трудящихся. Партия и комсомол на конкретных примерах успешно вскрывали лживость польской «демократии», антинародный характер польской конституции и созданного на основе ее буржуазно-помещичьего строя.

Под лозунгом коммунистов: «Долой польское фашистское правительство — правительство голода, войны и террора!» проводился саботаж всех законов, постановлений, приказов и распоряжений как местных, так и центральных польских властей.

Успешно осуществлялся бойкот выборов в польский сейм. В 1935 году, например, в выборах сейма в целом по стране участвовало около 48 процентов избирателей, а на территории Западной Белоруссии всего лишь 25—30 процентов. В то время я работал секретарем Слонимского окружного комитета комсомола и, как член окружка партии, отвечал за партийную работу. До моего приезда в Слонимский округ окружком партии был выдан дефензиве провокатором Стрельчуком.

Польские капиталисты и помещики знали, что борьбой трудящихся на территории Западной Белоруссии, как и всей Польши, руководит Коммунистическая партия. Они знали, что эта партия является единственной революционной силой, способной поднять рабочий класс и трудовое крестьянство и повести их на решающий бой против буржуазно-помещичьего строя. Вот почему в каждом коммунисте и комсомольце угнетатели видели своих главнейших врагов и старались всеми средствами и силами обезвредить их.

Против Коммунистической партии фабриковались злостные клеветы и провокации, проводился свирепый фашистский террор с пытками в дефензиве, полевыми судами и виселицами. На территории Западной Белоруссии, начиная с 1932 года, действовал закон, согласно которому полиция имела право стрелять в каждого «подозрительного» гражданина без предупреждения.

Для борьбы с революционным движением и ликвидации Коммунистической партии польские паны пользовались любыми средствами: дефензивой, полицией, сыщиками, конфидентами и т. д. Вся Западная Белоруссия была покрыта густой сетью «постарунков» (полицейских участков) и учреждениями охранки. На каждые десять квадратных километров имелся свой собственный полицейский участок из 8—10 полицейских. В каждом повете была дефензива с большим штатом сыщиков и чиновников. В каждой деревне полиция и дефензива имели по несколько платных конфидентов (агентов), не говоря уже о том, что кулаки, осадники, члены польской военной организации «Стрелец» всегда были готовы услужить им.

В качестве своих агентов в городах охранка вербовала сторожей, дворников, проводников в поездах и автобусах; на предприятиях — рабочую верхушку, служащих и членов фашистских организаций. В деревнях, как правило, агентами дефензивы были осадники, солтысы, кулаки и лесники. Лесники имели огнестрельное оружие и наручники. В их обязанности входило задерживать и доставлять в полицию всех подозрительных, а если кто-либо пытался бежать, лесник должен был стрелять в человека.

Многие помещики по собственной инициативе и на свои средства содержали холуев для выслеживания подпольщиков и доставки их в имение. Захваченных революционеров помещики сами избивали, издевались над ними, а потом доставляли в полицию или в охранку.

Борьбу против Коммунистической партии возглавляла дефензива, созданная Пилсудским из шпионов, террористов и прочих подонков. Излюбленным методом ее борьбы с коммунистами были террор и провокация.

Трудно описать все ужасы застенков польской дефензивы. Едва ли во всем мире какая-нибудь охранка, кроме гитлеровской, могла сравниться с дефензивой по утонченности и садизму пыток, которым подвергали здесь заключенных революционеров. Лютое избивание резиновыми дубинками, вливание через нос воды, смешанной с керосином или нечистотами, втыкание иголок под ногти, пропускание электрического тока через голову или зубы — вот далеко не полный перечень пыток, применявшихся в дефензиве. Многие из них я испытал на себе в 1933 году, когда был впервые арестован за революционную деятельность.

Пытки в дефензиве стали еще более зверскими после фашистского переворота в Германии. Недаром высшие полицейские чины ездили на выучку к Гиммлеру и Герингу, а представители фашистского гестапо приезжали в Польшу демонстрировать свои методы борьбы с коммунистами.

Не у всех, конечно, товарищей хватало силы и воли вытерпеть жуткие пытки в дефензиве. На допросах многие из них плевали кровью в рожки палачам и умирали героической смертью, не изменив своим убеждениям и не предав товарищей, или, стойко перенеся все издевательства, спустя два — три месяца умирали на свободе. Некоторые, с надорванным здоровьем, на долгие годы шли в тюрьму, где их тоже ждала преждевременная смерть.

Но были и слабые люди. Такие не выдерживали пыток, выдавали своих товарищей и отходили от революционного движения. Некоторые из них становились провокаторами. Судьба последних была совсем незавидной, так как их везде преследовала ненависть и презрение народа.

Основная же масса товарищей терпеливо переносила пытки в дефензиве и многолетние заключения в тюрьмах. Их воля не только не ослабевала, но, наоборот, закалялась и крепла. И когда выходили такие борцы на свободу, они с новой энергией и ненавистью к врагам собирали революционные силы для решающей битвы с фашизмом.

У меня, когда я пишу эти строки, перед глазами встают светлые образы многих товарищей, отдавших свою молодую жизнь за счастье народа.

Вот некоторые из них.

Товарищ Шнайдер, член Кринковского райкома комсомола, в 1931 году был схвачен полицией с двумя чемоданами литературы, которую он вез из Варшавы в Вильно. Его пытали в белостокской дефензиве в продолжение восьми дней, требуя сказать, где он получил литературу и куда должен был доставить ее. Но Шнайдер умер от пыток, так никого и не выдал.

Юрий Ковалевский из деревни Шиловичи, Слонимского повета, работал секретарем Слонимского и Гродненского окружкомов партии. Его зверски замучили в белостокской дефензиве.

Секретарь Виленского окружкома комсомола тов. «Аркадий». Его замучили в виленской дефензиве, а после этого выбросили в окно со второго этажа, чтобы имитировать самоубийство при попытке к бегству.

Николай Хлябич — стойкий революционер — был повешен в Белостокской тюрьме.

Ни террор, ни пытки, ни тюрьмы не могли пошатнуть волю трудящихся к борьбе за свое светлое будущее. На места выбывших из строя товарищей становились десятки и сотни новых борцов, под руководством Коммунистической партии продолжавших борьбу за счастье народа.

Кроме пыток, дефензива широко практиковала засылку в ряды Компартии прозакаторов. С них помощью она старалась разведать приемы и методы партийной работы, выявить как можно больше коммунистов и комсомольцев, лишить руководства и разгромить партийные организации.

Не каждому провокатору удавалось выполнить свои предательские намерения. Партия бережно охраняла свои ряды, проявляла большую бдительность и вела постоянную проверку своих людей. Многих провокаторов, прежде чем они успевали выдать ту или иную партийную организацию, удавалось раскрыть, исключить из партии и уничтожить.

Некоторым тщательно замаскированным провокаторам все же удавалось продолжительное время оставаться в рядах партии и наносить ей значительные потери. В результате их омерзительной предательской деятельности часто «проваливались», то есть бывали разгромлены, партийные и комсомольские организации районов и округов.

Опасным провокатором был член ЦК КПЗБ (1924 г.) Гурин. Он пытался вызвать раскол в партии, а когда это не удалось, начал открыто выдавать коммунистов в руки дефензивы. Этот провокатор по решению партии был убит коммунистом Клинецвичем в Вильно в 1928 году. Провокатором был секретарь Гродненского подпольного окружкома комсомола Сералевич. На глазах у полиции его убил в 1933 году его же троюродный брат. Секретарь Гродненского подпольного окружкома партии Чайковский в 1934 году, по заданию дефензивы, укомплектовал весь окружком партии провокаторами. Однако его очень скоро разоблачили и уничтожили. Коммунисты ликви-

ровали и остальных провокаторов, которые тогда были членами окружка партии. Предатель Трофимов («Митька»), в 1938 году работавший секретарем ЦК КСМЗБ, в 1939 году был передан в руки советского правосудия.

Одним из самых опасных и омерзительных провокаторов был инструктор ЦК комсомола Западной Белоруссии Яков Стрельчук. Происходил он из кулацкой семьи, из Бельского повета. Свою предательскую деятельность Стрельчук начал в польской армии. В то время когда он был офицером армии, его завербовала полевая жандармерия в свои агенты для выявления революционно настроенных солдат.

После демобилизации Стрельчука передали в распоряжение дефензивы. По ее заданию этот провокатор пролез в ряды комсомола в Бельском повете. Он старательно маскировался и комсомол стал первым секретарем райкома комсомола, а потом секретарем Велостокского окружка комсомола и инструктором ЦК комсомола. Стрельчук втерся в доверие ЦК Компартии Западной Белоруссии.

Выполняя указания дефензивы, Стрельчук долго не задерживался на одном месте. В качестве секретаря окружка комсомола он работал в Белостокском, Слонимском, Брестском и Виленском округах; часто выезжал в ЦК комсомола и ЦК партии. Таким образом ему удалось выявить многие подпольные ячейки и пароли, подробно изучить партийную и комсомольскую сеть, узнать сотни комсомольцев и коммунистов и быть в курсе их революционной работы. Обо всем этом Стрельчук информировал дефензиву, сам же продолжал оставаться замаскированным.

После того как партия заподозрила Стрельчука в предательстве и применила некоторые не совсем удачные способы для обезвреживания его, он ушел в дефензиву и начал действовать открыто.

Под охраной полицейских и сыщиков Стрельчук разъезжал по городам и селам Западной Белоруссии, арестовывая коммунистов, комсомольцев, членов МОПРа, сочувствующих. В результате было арестовано около тысячи лучших революционеров Западной Белоруссии. Стрельчук собственноручно пытал их в дефензиве, а позднее выступал на суде в качестве главного свидетеля обвинения. Сотни коммунистов и комсомольцев по показаниям Стрельчука были осуждены к тюремному заключению на сроки от 4 до 15 лет, многие товарищи были замучены в дефензиве. Это был разгром целых партийных округов. С некоторыми из них ЦК партии долгое время после этого не мог установить связь.

О коварных, омерзительных методах деятельности Стрельчука свидетельствует такой пример. Приезжает он с сыщиками к крестьянину и говорит своим спутникам: «Арестовать его. Это — секретарь местной подпольной партийной ячейки, у него я проводил собрание ячейки и жил три дня». Хозяин избы заявляет: «Ничего общего с компартией я не имею, а этого господина вижу впервые». Тогда Стрельчук снимает со стены икону и показывает надпись на оборотной стороне ее. Там сказано, что в такой-то день и месяц здесь жил столько-то дней и проводил собрание ячейки именно он, Стрельчук. И все это удостоверяется его собственноручной подписью. После этого хозяина квартиры немедленно связывают и начинают зверски пытать, добываясь выдачи коммунистов, фамилии которых Стрельчук не успел узнать.

С целью самообороны ЦК КПЗБ принял решение, которым каждому коммунисту и комсомольцу поручалось при встрече со Стрельчуком («Демкой») уничтожить его, как провокатора. Но сделать это было нелегко, так как Стрельчук жил в дефензиве, а ездил в суд в сопровождении сильной охраны полиции.

Было несколько покушений на Стрельчука в Вильно и Бресте, однако все не достигло цели. Многие товарищи за это на долгие годы попали в тюрьму, а Стрельчук продолжал действовать по-прежнему. Тогда решение партии пришлось выполнить мне.

Тут я несколько отступлю и расскажу о себе, ибо дело о моем покушении на провокатора Стрельчука в виленском суде наделало в свое время много шума. Вокруг моей фамилии создавалось много легенд, не всегда соответствовавших действительности.

Родился я в 1913 году в семье крестьянина-бедняка в деревне Гаркавичи, Соколовского повета, Гродненской губернии.

В 1914 году, в начале империалистической войны, наша семья выехала в Россию и до 1921 года жила в селе Нижний-Шкафт, Городищенского уезда, Пензенской губернии. Отец был школьным сторожем, мать и старшая сестра работали на суконной фабрике Морозова, старшие братья Ипполит и Александр учились в школе. Оба они были комсомольцами. Я ходил в детский сад, а потом в первый класс русской школы.

В 1921 году, в связи с голодом, родители решили вернуться в родные места. Старший брат Ипполит умер еще в Нижнем-Шкафте. Остальных детей, больных тифом, родители осенью 1921 года привезли на «родину», на голые камни, так как вся наша деревня была разрушена во время военных действий.

Отец владел полутора десятинами земли, а нас было восемь душ едоков. Не было у нас своей хаты, не было и средств к существованию. Поэтому с юных лет мне довелось на собственной спине испытать социальный гнет и классовую несправедливость. С восьмилетнего возраста я пас скот у кулаков по найму, работал парубком и пильщиком.

На формирование моего самосознания очень влиял брат Александр. Он хорошо помнил Великую Октябрьскую революцию, с 1923 года был членом КПЗБ, а позднее работал секретарем Гродненского окружкома партии. (Его расстреляли немцы в годы Великой Отечественной войны.) Брат часто давал мне читать подпольную коммунистическую литературу. Немало рассказывал он мне о классах и классовой борьбе.

Все это сильно меня волновало, и я мечтал о том, чтобы стать коммунистом, борцом за лучшую долю таких же обездоленных, каким был сам. В 1930 году по рекомендации партийной ячейки я вступил в комсомол, а через три месяца на подпольной районной комсомольской конференции меня выбрали секретарем Кринковского райкома комсомола. С этого дня вся моя жизнь была посвящена революционной борьбе.

В 1932 году меня избрали членом, а потом и секретарем Гродненского подпольного окружного комитета комсомола и приняли в партию. В условиях неслыханного террора, имея всего лишь три класса образования, секретарем окружкома работать было очень трудно. Однако там, где не хватало опыта и знаний, выручало классовое чутье и сознание ответственности за порученное дело.

Первый раз меня арестовали 3 мая 1933 года в местечке Озера, Гродненского повета, на квартире у старого подпольщика Александра Кишкеля, который после восьми лет тюремного заключения вышел на волю. По заданию ЦК партии я должен был установить с ним контакт.

После ареста меня начали мучить в полицейском участке. Вечером в гродненской дефензиве повторилось то же самое. На следующие сутки, ночью, меня со скованными руками и ногами сыщики отвезли в Берестовицу, где за два дня до ареста я выступал на антивоенном митинге. Тут пытали в течение пяти суток, добываясь от меня нужных дефензиве сведений.

Из Берестовиц меня опять увезли в гродненскую дефензиву, откуда, после новых пыток, отправили в гродненскую тюрьму. Но посадили не с политическими, а с уголовниками: я был так избит, что в камере для политзаключенных меня побоялись показать, опасаясь протеста против зверств дефензивы. К политзаключенным я попал только через три месяца, после того как несколько пришел в себя.

Поскольку я ни в чем не признался, а на квартире у меня во время обыска не нашли ничего компрометирующего, осенью 1933 года за несколько дней до 7 ноября меня выпустили из тюрьмы под надзор полиции. Это значило, что я не имел права отлучаться из дома и каждую неделю обязан был являться в полицейский участок на регистрацию.

Помню, как за три дня до 7 ноября к нам в сарай полицейские подбросили подпольную литературу, плакат с недописанным лозунгом, кисточку и белую краску. Однако все это оказалось плохо замаскированным, мой отец нашел подброшенное провокаторами и сразу же уничтожил.

7 ноября в деревню Гаркавичи явились тридцать полицейских и сыщиков и начали обыск в хате и надворных постройках отцовской усадьбы. Часть полицейских

для отвода глаз делала обыски и в других хатах. Все это было организовано с целью найти «вещественные доказательства» и опять, теперь надолго, засадить меня в тюрьму.

Когда провокация не удалась, меня вызвали в поветовую дефензиву, в Соколку. Но по указанию одного из членов ЦК КПЗБ, находившегося в нашей деревне, я в дефензиву не явился и перешел на нелегальное положение. С этого момента началась для меня новая жизнь профессионала-революционера.

Сразу по выходе из тюрьмы я по указанию партии опять возглавил Гродненский окружной комсомол. Живя на нелегальном положении, был одним из руководителей стачки лесных рабочих в Белостокском воеводстве, о которой речь шла выше. Когда эта стачка, после упорной борьбы, в январе 1934 года закончилась победой рабочих, ЦК партии перебросил меня в Слонимский партийный округ для руководства аналогичной стачкой. В то время я был членом Слонимского окружного комсомола.

Стараясь быть ближе к рабочим, я жил больше всего в лесу. В результате вскоре протудился и заболел воспалением легких. После окончания стачки перебрался в деревню Чемеры (около Слонима), где комсомольцы лечили меня народными средствами. Тут 28 марта меня выявила полиция, но мне удалось бежать. 1 мая 1934 года мы вместе с тов. Анищиком (теперь секретарь Клецкого райкома КПБ) спрятались в гумне в деревне Елка, а возле гумна в засаде сидели полицейские. 3 мая меня вызвали в ЦК КСМЗБ и направили на учебу, а спустя год, в мае 1935 года, я выехал в Варшаву в распоряжение ЦК КПЗБ.

На территории Западной Белоруссии мне было запрещено где-либо останавливаться, так как к этому времени провокатор Стрельчук широко развернул здесь свою предательскую деятельность и дефензива начала разгром партийных организаций.

В Варшаве связаться с ЦК КПЗБ мне не удалось: Стрельчук успел выдать явку, на которую я пришел. Поэтому пришлось вернуться в свой Гродненский округ, который Стрельчук навещал реже других округов. Тут от тов. Криштафовича М. Е. (он в то время работал секретарем окружного комитета партии) я получил новую явку в ЦК КПЗБ в Вильно. Там мне разъяснили, что Стрельчук выдал слонимскую партийную и комсомольскую организации, связь с округом утрачена, и неизвестно, что делается там. Поскольку в Слонимском округе я работал в 1934 году, мне предложили без явок поехать туда и установить связь с коммунистами, еще оставшимися на свободе. Если же таковых не окажется, я должен был заново создать партийную и комсомольскую организации и до особых указаний ЦК КПЗБ возглавить руководство ими.

Прибыв в Слонимский округ, я застал там жуткое положение. Парторганизация разгромлена, знакомые мне коммунисты и комсомольцы арестованы. Их родные в панике и растерянности, не доверяют руководству Компартии. За две недели я обошел многие деревни, в которых надеялся застать старых коммунистов, однако и они все оказались арестованными.

Обстановка сложилась довольно критическая. Проще всего было вернуться в ЦК и доложить о том, что связь установить не удалось. Но это было бы малодушием: не выполнив задания, бежать с поля боя.

Наконец я наведалься в деревни Воля-Крупницы и Москали в Налибокской пушце. Тут партийная и комсомольская организации, которые были мне хорошо известны, каким-то образом уцелели от разгрома.

Ухватившись за эту возможность, я смог в короткое время восстановить партийные и комсомольские организации почти во всех районах Слонимского округа, создать райкомы партии и комсомола. Правда, эти организации были немногочисленны, зато слагались они из проверенных, боевых товарищей.

Вскоре в помощь мне партия прислала товарищей Гамма и Вишневскую. Партийная работа в округе опять ожила.

Бывая с отчетами в ЦК комсомола, я всегда возмущался тем, что решение ЦК уничтожить Стрельчука не выполняется. Особенно острым разговор на эту тему был в январе 1936 года между мною и секретарем ЦК комсомола Западной Белоруссии тов. Дворниковым (подпольные клички «Герасим», «Роберт»). На мой вопрос, почему

до сих пор не выполнено решение ЦК партии и Стрельчук продолжает действовать, Роберт заявил, что ликвидировать Стрельчука очень трудно, так как он спрятался в дефензиве и выезжает в суд только под сильной полицейской охраной. Тогда я заметил, что предателя надо казнить в зале суда. Роберт ответил, что для этого нужны особые люди. Я пообещал дать таких людей. И в самом деле, в Слонимском округе были хлопцы, готовые в любую минуту выполнить пусть даже самое трудное задание партии.

Роберт слегка улыбнулся и проговорил: «Послать людей проще, а вот что бы ты сказал, если бы самому пришлось сделать это?» Эти слова вызвали у меня чувство горькой обиды, и я категорически потребовал принести мне пистолет. Роберт пытался успокоить меня, уверял, что пошутил, и просил не принимать его слова всерьез. Но я считал, что такими делами не шутят, и настаивал на своем. Наконец Роберт сказал: «Хорошо, подумаем. Я завтра зайду к тебе».

На следующий день, встретившись со мной, Роберт заявил: «Вопрос решен, вот пистолет, ты пойдешь в суд и выполнишь решение партии; тебе не удастся — пойду я». Последние слова он не бросал на ветер. Я никогда не сомневался и теперь уверен в том, что если бы мне не удалось расправиться со Стрельчуком, это сделал бы Роберт, горячо преданный делу партии коммунист. Он не раз доказывал эту преданность своею деятельностью в условиях подпольной работы. Роберт героически погиб в 1936 году в Испании, в боях с фашистами, будучи командиром одного из батальонов интернациональной бригады имени Листеры. Я никогда не забуду светлый образ этого пламенного революционера и верного друга.

Не знаю, быть может, до моей встречи с Робертом ЦК партии и решил поручить мне выполнение задания по ликвидации Стрельчука, но разговор со мной об этом происходил так, как тут описано. Роберт меня уверял, что об этом разговоре и о принятом нами решении знаем только мы вдвоем.

25 января 1936 года в виленском окружном суде должен был состояться суд над семью коммунистами. Было известно, что на суде с показаниями выступит провокатор Стрельчук. По плану я должен был пробраться в зал суда и убить его.

Задание было не из легких. Направляясь в суд, я отлично понимал, что возможности для спасения у меня почти нет и что мне вообще едва ли удастся выбраться оттуда живым. Я ни разу до этого не бывал в окружном суде, не знал его расположения, и сыщики могли схватить меня раньше, чем я начну выполнять задание. Я шел стрелять в провокатора, которого кроме как на фотографии, показанной мне Робертом и помещенной на листовке с решением ЦК партии, никогда не видел.

Чтобы дать мне возможность спастись после выполнения задания, Роберт предложил взять с собой человек пять комсомольцев, которые вызвали бы в помещении суда замешательство и тем самым способствовали бы моему бегству от сыщиков и полицейских. Я не согласился с этим предложением, чтобы не нести лишних жертв. Шансы на мое бегство были минимальными, а комсомольцы наверняка попали бы в руки полиции.

Роберт предложил мне также ключ от кабинета прокурора. Этот кабинет находился рядом с залом судебного заседания, и из него вел черный ход во двор. Однако и от этого предложения я отказался, понимая, что, не зная расположения помещений в здании суда, я едва ли смогу воспользоваться им.

К тому же ключ мог явиться лишним вещественным доказательством. Я принял только одну явку и пароль на новую, хорошо законспирированную квартиру в здании корпуса пограничных войск. Хозяйкой этой квартиры являлась одна обедневшая графиня. Явкой я мог воспользоваться в случае удачного бегства из суда.

24 января ко мне пришел Роберт, и мы с ним проговорили до двух часов ночи. Утром я проснулся в половине десятого, а в десять часов должен был начаться процесс в суде. Выбежав на улицу, я нашел извозчика и быстро добрался до суда. Но процесс уже начался, и в зал меня не впускали. Пришлось ожидать перерыва. После перерыва я вместе со свидетелями и родственниками подсудимых вошел в зал. Сделать это помогло отлично сфабрикованное удостоверение, выданное якобы на мое имя ко-

мендантом поветовой военной фашистской организации «Стрелец». Тут я узнал, что Стрельчук уже выступал, и мне не оставалось ничего иного, как уйти.

С огромной тяжестью на сердце возвращался я из окружного суда. Мучила мысль, что подумает обо мне Роберт. А вдруг он подумает, что я испугался и поэтому не стрелял в провокатора? Успокаивала лишь мысль, что еще есть возможность выполнить задание. Я знал, что 27 января начнется судебный процесс над восемнадцатью студентами Виленского университета, где опять будет давать показания Стрельчук. Эту возможность расправиться с провокатором я уж ни в коем случае не пропущу. Теперь, изучив обстановку в суде, я буду действовать уверенно и точно.

Вечером ко мне пришел Роберт узнать, почему в зале суда не было выстрелов, которых он с нетерпением ожидал весь день. Объяснив, как все произошло, я попросил Роберта принести мне другой, более надежный пистолет, так как у меня был сильно заржавевший семизарядный браунинг старого образца, вызывавший сомнение в своей безотказности. В тот же вечер Роберт выполнил мою просьбу. В моих руках оказался еще один, на этот раз новый, семизарядный пистолет.

26 января я весь день ходил по улицам Вильно с пистолетами в карманах, любовался жизнью и всем окружающим. Кто знает, буду ли я жив завтра. День выдался пасмурный и холодный, но мне он казался чудесным. Никогда я так жадно не дышал воздухом, никогда не казались мне такими красивыми небо и вода в Вилни, как в тот день, хотя воздух был сырым, по небу плыли тяжелые снежные облака, а вода в реке была черной и холодной. Все люди казались мне чрезвычайно добрыми и хорошими, за исключением той стаи, которая привыкла жить за счет других, за что я ее глубоко ненавидел.

Вечером я отправился далеко за город и там, в лесу, проверил, как действуют пистолеты. Я решил оба их взять с собою в суд. Когда возвратился в город, на квартире уже ожидал меня Роберт с бутылкой кавказского вина. За этой бутылкой мы просидели весь вечер в дружеской беседе, стараясь не говорить о завтрашнем дне. Потом распрощались так, как прощаются верные друзья, знающие о том, что расставание это — навсегда. И действительно, больше нам никогда не довелось встречаться.

Утром 27 января я опять направился в окружной суд. Когда я вошел в зал заседаний, первые ряды стульев от судейского стола были уже заняты. Пришлось сесть в седьмом ряду, на втором месте от прохода. После этого я принялся напряженно ожидать появления провокатора перед судейским столом.

Мучительно долго тянулись минуты, а Стрельчук все не появлялся. Кроме того, восемь человек подсудимых юношей и девушек знали меня, как одного из ответственных подпольных работников. Они меня видели в ЦК комсомола, встречали и провожали на явочные квартиры. У некоторых из них я жил, когда приезжал в Вильно, но где работаю, они не знали.

И вот в такой момент, когда их судят и против них должен выступить предатель Стрельчук, в зале суда появляется «Аркаша» (это была моя кличка). Что ему тут нужно? Не такой ли он, как и мерзавец Стрельчук?

Подсудимые начали толкать друг друга локтями, перешептываться и удивленно поглядывать в мою сторону. Заметив это, их родственники стали тоже поворачиваться и смотреть в том же направлении — одни с удивлением, другие с презрением. Сыщики, наблюдавшие за подсудимыми, начали искать, кто так интересуется их в зале суда. Пришлось мобилизовать всю свою волю, чтобы ни одним движением мускулов на лице не выдать себя. А Стрельчук все не появлялся. Так мне пришлось сидеть с десяти часов утра до трех часов дня.

Наконец, после короткого перерыва, председатель суда объявил: «Пригласить свидетеля Якова Стрельчука». Раскрылась дверь, и из кабинета прокурора вышел он, провокатор.

В это мгновение, не буду угаивать, у меня потемнело в глазах. Впервые в жизни мне приходилось стрелять в живую мишень. Чтобы не промахнуться и не вызвать невинных жертв, я решил стрелять только в упор. Взяв себя в руки, я несколько минут подождал.

Предатель говорил тихо. От его показаний зависела судьба подсудимых. Каждый из присутствовавших в зале старался не пропустить ни одного слова. Поэтому в зале стояла полнейшая тишина. Когда Стрельчук, повывив голос и показывая на подсудимых, начал называть их агентами большевизма, я решил действовать. Мгновенно достав из карманов оба пистолета, я направился к судейскому столу. Вначале шел медленно, но, вспомнив, что в первых рядах сидят сыщики, которые могут меня схватить, рванулсЯ вперед и оказался около провокатора. Наставив один пистолет под правое ухо, а второй в спину, я одновременно нажал на оба спуска. Грянули два выстрела. В зале поднялась страшная паника. Судья и прокурор полезли под стол, публика бросилась к выходу, некоторые потеряли сознание.

Стрельчук свернулся у меня возле ног. Для большей уверенности я послал ему еще две пули в спину. После этого, пользуясь паникой, я направился к выходу, чтобы выбежать из здания. Но двери были заперты, а проходы заняты публикой. Последняя, увидав пистолеты в моих руках, сразу дала мне дорогу. С разбегу, ударом плеча я выломал дверь и очутился в коридоре, среди сыщиков и полицейских, которые, услышав выстрелы в зале суда, старались ворваться туда, но не могли открыть дверь. Увидав мои пистолеты, сыщики и полицейские как по команде стали к стене и подняли руки вверх. До смерти перепуганные, они дрожащими голосами молили: «Смилуйся, пан!»

Конечно, можно было бы всех их перестрелять. Но я сознательно не пошел на это. Я знал, что убийство хоть одного сыщика или полицейского потянет за собой со стороны польских властей новую волну кровавого террора против коммунистов.

Поэтому, не тронув сыщиков и полицейских, я бросился вниз по лестнице, рассчитывая выскочить на улицу. И вот тогда сыщики Дайновский и Бучковский, только что просившие у меня пощады, выхватили пистолеты и открыли по мне огонь. Я уже сбежал на первую лестничную площадку, а когда стал спускаться ниже, одна пуля попала мне в правый бок (она оставила девятнадцать дырок в кишках и задержалась в левой берцовой кости), одна в шею и наконец еще одна в бок и одна в руку. Сыщики только тогда перестали стрелять, когда решили, что я уже мертв. Тут же на лестнице у меня произвели обыск и сняли допрос.

Чувствуя, что жить осталось недолго, я назвал свою фамилию и адрес, не отвечая на другие вопросы. Вскоре была вызвана скорая помощь.

Когда меня на носилках несли к машине скорой помощи, на Лукишской площади собралась большая толпа народу. Каждый хотел узнать, что произошло в суде. «Пусть лучше узнают от меня, чем от наших врагов», — мелькнуло у меня в голове, я приподнялся и начал выкрикивать лозунги: «Смерть провокаторам!», «Долой фашистское правительство!», «Да здравствует пролетарская революция!»

Спустя полтора часа хирург Ахматович в госпитале «Святого Якова» по указанию прокуратуры сделал мне операцию. Она была очень сложной, и никто не думал, что я выживу. Однако благодаря сильному организму операция прошла хорошо.

Делали эту операцию не потому, что польские власти меня пожалели и хотели спасти мою жизнь. Цель была совсем иная. Они надеялись через меня добраться до партии. Им также очень важно было вылечить меня, чтобы потом повесить для запугивания других.

После операции меня перевезли в тюремный госпиталь на Лукишках, а спустя два месяца посадили в камеру смертников.

В первое время после событий в суде товарищи на свободе считали, что я погиб. Поэтому в ночь с 27 на 28 января в разных районах города были вывешены красные флаги с черными лентами в знак траура. Но когда товарищи узнали, что я жив, им так же, как и мне самому, стало ясно, что меня ожидает наказание смертью через повешение. Поэтому партия сразу же развернула широкую кампанию за мое освобождение.

На следующий день после операции ко мне явился прокурор Петровский и судебный следователь по делам исключительной важности Скиндер. Опять начались допросы. Их проводили по несколько раз в неделю до самого июня.

Во время этих допросов я узнал, что провокатора мне все же убить не удалось. Две пули попали ему в голову и одна в руку, но он остался жив. Узнав об этом, я долго был в недоумении, не понимая, почему же у мерзавца не оказалось ни одной раны на спине. Ведь я несколько раз выстрелил в упор, и именно в спину! И только позднее, на суде, выяснилось, что провокатор носил под пиджаком панцирь, который не смогли пробить pistolетные пули.

Мои адвокаты Дурач и Бернсон уверяли, что Стрельчук от ран в голову сошел с ума и умер. Не исключено, что его прибрала сама дефензива, которой он уже не был больше нужен. Так или иначе, но после выстрелов в суде провокатор исчез.

В июне 1936 года Виленский окружной суд вынес мне приговор: за революционную деятельность в рядах Коммунистической партии — к пятнадцати годам тюремного заключения; за убийство на суде провокатора — к покаранию смертью через повешение; за то, что якобы отстреливался от полицейских, — к покаранию смертью через повешение; за все «преступления», вместе взятые, — к покаранию смертью через повешение. Таким образом польский суд дважды приговорил меня к покаранию смертью через повешение, для того чтобы крепче обосновать приведение приговора в исполнение.

Против меня на суде выступили 32 человека, в том числе начальники виленской, гродненской, брестской и других дефензив, сыщики, полицейские, судьи и прокуроры Виленского окружного суда. Меня защищали по поручению партии адвокаты Дурач и Бернсон.

После приговора окружного суда поднялась мощная волна протеста против смертной кары Притыцкому. Во всех польских тюрьмах политзаключенные объявили голодовку. В городах и деревнях Западной Белоруссии, Западной Украины и Польши на митингах трудящихся принимались резолюции протеста и направлялись польскому правительству, президенту Мостицкому, в суд и министерство юстиции. Под резолюциями протеста подписывались не только рабочие и крестьяне, но и прогрессивные представители интеллигенции.

Во всех уголках страны в большом количестве распространялись листовки с моей фотографией, призывавшие массы к борьбе за освобождение Притыцкого.

Во время митингов, демонстраций и распространения листовок в защиту Притыцкого были арестованы сотни товарищей, с которыми мне позднее довелось встречаться в тюрьме.

Огромный размах кампания протеста приобрела в Советском Союзе. Борьба за освобождение Притыцкого развернулась также в Англии, во Франции, Америке и других капиталистических странах, где прогрессивными силами были созданы комитеты защиты Притыцкого.

Во многих государствах возле зданий польских консульств и посольств происходили многолюдные митинги и демонстрации трудящихся, требовавших сохранить мне жизнь.

Широкою кампанию протеста за освобождение Притыцкого вела международная организация «Лига защиты прав человека и гражданина» с центром в Париже.

Приговор Виленского окружного суда был опротестован адвокатами Дурачем и Бернсоном перед высшим кассационным судом в Варшаве. Когда этот суд собрался для рассмотрения моего дела, произошла многотысячная демонстрация трудящихся, участники которой забросали здание суда камнями.

Под напором широкой общественности кассационный суд в Варшаве 15 декабря 1936 года вынужден был приговор Виленского окружного суда отменить и направить дело на повторное рассмотрение.

Виленский окружной суд в новом составе в феврале 1937 года заменил смертную казнь тяжелым пожизненным заключением. Протест прокурора против такого смягчения был отклонен кассационным судом в Варшаве, и приговор вступил в силу.

Таким образом, благодаря широкому движению трудящихся многих стран в защиту Притыцкого моя жизнь была спасена.

С января 1936 года по 1 сентября 1939 года я отбывал заключение в польских тюрьмах в городах Вильно, Гродно, Равич. Полтора года просидел в камере смертн-

ков, зная, что меня в любую минуту могут вздернуть на виселицу, а остальное время — в одиночной камере.

Вырвались мы из тюрьмы 1 сентября 1939 года, в первый день нападения фашистской Германии на Польшу, и направились на восток. По дороге к Варшаве десятки товарищей погибли от немецких бомб и снарядов. В Варшаве нам пришлось увидеть и пережить всю трагедию разрушения фашистскими варварами польской столицы, быть свидетелями падения ее.

Настоящую свободу мы ощутили лишь после соединения с частями Красной Армии, освобождавшей западные области Белоруссии и Украины, а вместе с ними и нас, политзаключенных.

Несколько слов о жизни и борьбе политзаключенных в польских тюрьмах.

Панская Польша была покрыта густой сетью тюрем, в которых терпели нечеловеческие мучения тысячи лучших представителей рабочего класса и крестьянства. Наиболее жестоком режимом и зверским обращением с заключенными выделялись такие тюрьмы, как «Святой крест», «Вронки», «Равич» и «Груднец»; следственные тюрьмы в Вильно на Лукишках, в Гродно и в Белостоке; тюрьма в городе Луцке и концлагерь в Картуз-Березе.

В польских тюрьмах в среднем постоянно находилось около двадцати тысяч политзаключенных.

До 1930 года политзаключенные пользовались некоторыми правами, завоеванными ценой многочисленных жертв еще при царизме. Легально существовала тюремная коммуна. Политзаключенные имели право получать с воли политическую, художественную литературу, всякие учебники, в неограниченном количестве посылки и денежную помощь, пользоваться письменными принадлежностями. Днем они могли переходить из камеры в камеру, переписываться с родными, носить свою одежду. Все это давало возможность учиться, и поэтому годы заключения не казались такими тяжелыми.

Часто деревенские парни, попадавшие в тюрьму, не умели читать, не умели писать, а пробыв в заключении пять—шесть лет, выходили на свободу вполне подготовленными и политически, и в смысле общего образования. Им даже завидовали некоторые из тех, кто не бывал в тюрьме.

Было время, когда и я мечтал попасть в тюрьму, чтобы получить там некоторые знания. Но сидеть мне довелось уже в период черной реакции, когда был введен новый тюремный режим, ликвидировавший все права политзаключенных.

В 1931 году министром юстиции Польши стал известный реакционер и садист Михаловский. В своей первой речи в сейме он заявил: «С этого времени главной моей задачей является ликвидация коммунистических университетов в тюрьмах». И действительно, с благословения польского правительства он начал ликвидацию их самыми жесткими методами.

Были ликвидированы тюремные коммуны. В тюремных печах стореда не только политическая литература, но и произведения русских и польских классиков художественной литературы. Политзаключенных остригли, переделали в арестантскую форму и рассадили по камерам вместе с уголовниками.

У политзаключенных отобрали письменные принадлежности, ограничили переписку и получение посылок до одного раза в месяц. При этом в посылках должен был быть ограниченный ассортимент продуктов в весьма небольшом количестве.

За самые незначительные поступки (перестукивание через стену, разговоры на прсгудке, передача махорки или продуктов) политзаключенных сажали в карцер, где зверски избивали и держали по несколько суток, а потом лишали права переписки и получения посылок и передач.

Наступление фашизма на права политзаключенных было встречено в тюрьмах самоотверженной борьбой политзаключенных. Во всех тюрьмах узники объявляли голодовки, как правило продолжавшиеся по несколько дней и сопровождавшиеся выступлениями протеста. Часто к голодовкам политзаключенных, в порядке солидарности, присоединялись уголовники, среди которых было немало чудесных людей. Это

действительно была борьба «не на жизнь, а на смерть». Она стоила многим политзаключенным не только здоровья, но и жизни.

Массовые и продолжительные голодовки политзаключенных всколыхнули широкую общественную мысль не только в Польше, но и за ее рубежами. Однако отвоювать свои права голодовками политзаключенным не удалось. Поэтому, по специальному решению Коминтерна, голодовки были прекращены.

Политзаключенных содержали в тюрьмах вместе с уголовниками недолго. Панское правительство вскоре вынуждено было изолировать уголовников, так как многие из них после сближения с политическими заключенными сами становились революционерами.

Особенно много хлопот тюремной администрации доставляли революционные праздники. До 1930 года политзаключенные отмечали эти праздники митингами во время прогулок, пением «Интернационала», а в камерах — лекциями и рефератами. После введения нового тюремного режима революционные праздники отмечались только прикалыванием красных бантиков к левой стороне груди. Но и это преследовалось администрацией.

В праздничные дни по утрам десять — пятнадцать надзирателей, как правило, обходили камеры и срывали бантики у политзаключенных. Спротивляющихся этому бросали в карцеры и избивали там.

Тогда было принято решение революционные праздники отмечать так: во время прогулок молча ходить в ногу, твердо отбивая шаг. Но как только надзиратели замечали, что на прогулке политзаключенные начинают отчеканивать шаг, их сразу же загоняли в камеры и лишали прогулки.

И все же, несмотря на такие издевательства, я не помню случая, когда бы мы не отметили революционный праздник каким-нибудь образом, независимо от того, кто из нас где был: в камере, в карцере или в госпитале.

После ранения и операции я лежал в строгой изоляции в тюремном госпитале в Вильно на Лукишках. Я не мог еще подняться с койки. В моей камере два раза в день, в присутствии врача, производили старательный обыск. Простукивали наручники, чтобы убедиться, что они не перепилены, и пол — нет ли под ним подкопа. Срывали бинты с ран и проверяли, не спрятано ли там чего-либо.

В таких условиях я не мог достать кусочка красного материала. И когда подошло Первое мая 1936 года, я поступил так: оторвал кусочек простыни, окрасил его собственной кровью из проколотого иголкой пальца и этот кумачевый значок прикрепил на груди к своей рубашке.

Утром в камеру в сопровождении врача явились начальник и комиссар тюрьмы, а с ними известный садист старший надзиратель Штелецкий. Они свирепо сорвали с меня красный бант и молча вышли. Физически сопротивляться я не мог, но высказал свой протест.

Таким же образом отмечали революционные праздники и многие другие товарищи.

От того, что меня долго содержали в камере смертников, а потом в одиночке, я начал бояться, что потеряю дар речи. Чтобы этого не произошло, я по нескольку раз в день громко прочитывал случайно найденный обрывок газеты. Так продолжалось до тех пор, пока надзиратели не отобрали его. С этой же целью я часто пел и даже разговаривал с самим собой.

Находясь в заключении, я ни одной минуты не чувствовал себя одиноким. Хотя у дверей камеры и была установлена круглосуточная вахта надзирателей, следивших за каждым моим движением, я имел постоянную связь с товарищами по тюрьме и с волей.

Политзаключенные виленской тюрьмы выбрали меня своим доверенным и регулярно информировали о том, что делается в тюремной камере и на воле. Связь осуществлялась в основном через товарища Бернштейна (теперь пенсионер, живет в Пинске), Гамма, Пестрака и многих других товарищей.

Когда меня выпускали на прогулку или вели в госпиталь, десятки политзаключен-

ченных кричали из окон своих камер: «Держись, Сергей! Победа будет за нами!» Чтобы предупредить подобные демонстрации, тюремное начальство начало выводить меня на прогулки только на рассвете, когда политзаключенные еще спали. Но и тогда многие товарищи, рискуя тем, что их беспощадно будут бить в карцере, специально дежурили для того, чтобы крикнуть мне: «Держись!» Эта постоянная поддержка братьев по борьбе окрыляла меня, помогала переносить все невзгоды и мучения.

Особенный прилив сил и бодрости почувствовал я 3 мая 1936 года, когда получил с воли зашифрованную записку, в которой сообщалось, что в Вильно 1 мая состоялась десятилетняя демонстрация рабочих, требовавших освобождения политзаключенных во главе с Притыцким. Прочитав эту записку и еще раз поняв, какая огромная сила в лице партии и народа стоит за нами, я почувствовал необычайный подъем. Тут же готов был, казалось, разворотить тюремные стены и по зову партии пойти на любой подвиг во имя счастья трудящихся.

Глубокая вера в народ, в Коммунистическую партию и справедливость ее дела дала мне силы выдержать и перенести все испытания.

Я твердо верил, что если партия и народ решили бороться за мое освобождение, они обязательно добьются этого. Именно они вырвали мою жизнь из рук фашистских палачей и жизнь эта по праву принадлежит теперь только партии и народу. И в то время, когда над моей головой висела петля, и позднее, когда смертная казнь была заменена пожизненным тюремным заключением, — всегда и везде я ощущал поддержку партии и народа.

В тюрьмах, несмотря на преследования и террор, существовали свои порядки и законы, выработанные политзаключенными. Во всех тюрьмах были тюремные комитеты или тюремные тройки, решения которых все политзаключенные выполняли безоговорочно.

Руководство коммуны строго следило за тем, чтобы политзаключенные вели себя так, как это надлежит коммунистам-революционерам. Тех, кто не выдерживал пыток в дефензиве и выдавал своих товарищей или в дни голодовок и других выступлений вел себя позорно, исключали из коммуны, выбрасывали из камеры политзаключенных и присоединяли к группам ренегатов-предателей. Предателям во всех тюрьмах были отведены отдельные места для прогулок, так называемые «собачьи площадки». Ренегатов политзаключенные бойкотировали, везде проявляя к ним пренебрежение и ненависть.

Руководство коммун старалось, чтобы все политзаключенные получали равное питание. Регулировалось это посылками, передачами и выпиской продуктов. В Равиче главным тюремным «каптенармусом» был в течение многих лет ныне покойный В. З. Царюк. Все, кто получал с воли деньги или продукты, докладывали ему об этом и по его указаниям или оставляли полученное у себя или нелегально передавали в другие камеры. Бывали случаи, когда по указанию товарища Царюка восьмушку махорки делили на несколько частей, которые доставлялись потом в разные камеры. Иногда, перестукиваясь через стену, мы получали от Царюка распоряжение передать в такую-то камеру или самим получить из такой-то камеры две папиросы и несколько кусочков сахара.

Руководство коммуны принимало все меры для того, чтобы политзаключенные обязательно учились. С этой целью старались размещать так, чтобы в камеры попадали и более и менее подготовленные товарищи. Тем, кто знал историю партии и политэкономию, поручали писать на папиросной бумаге короткие тезисы на конкретные темы. Эти тезисы передавали из камеры в камеру, и заключенные старательно изучали их.

Иногда удавалось спасти от тюремной стражи произведения классиков марксизма-ленинизма. Это было большим счастьем. Помню, в 1938 году в камере № 3 гродненской тюрьмы прятали хорошо замаскированную книгу В. И. Ленина «Что делать?» Обложка ее и несколько первых разделов были совсем из других книг, а дальше шел текст из «Что делать?». Ленинское произведение мы зачитывали до дыр.

Многие политзаключенные, просидевшие по несколько лет в тюрьме, пережившие голодовки и пытки, потеряли свое здоровье или умерли еще в тюрьме от чахотки,

или вышли на волю совершенно больными. Но их дела не забыты. Они вспыхивали ярким светом в незабываемые сентябрьские дни 1939 года, во время освобождения Западной Белоруссии, гремели взрывами немецко-фашистских эшелонов в годы Великой Отечественной войны. Они и теперь живут в славных трудовых подвигах рабочих и колхозников Западной Белоруссии, совершаемых ради счастья нашей социалистической Родины.

На протяжении всей истории КПЗБ возглавляла самоотверженную борьбу трудящихся Западной Белоруссии против польских оккупантов за свое социальное и национальное освобождение, за воссоединение с Белорусской Советской Социалистической Республикой. При этом КПЗБ, как и вся Коммунистическая партия Польши, решительно вскрывала всяческие мелкобуржуазные оппортунистические и националистические партии, которые, лакействуя перед польскими капиталистами и помещиками, любыми методами пытались свернуть народные массы с революционного пути на путь соглашения с буржуазно-помещичьим строем, разжечь среди них национальную рознь и ненависть к Советскому Союзу.

Ведя за собой трудящихся Западной Белоруссии, КПЗБ неустанно воспитывала их в духе пролетарского интернационализма и братской солидарности. Поэтому, выступая под руководством коммунистов за свержение ненавистного оккупационного режима, белорусские рабочие и крестьяне никогда не отождествляли польских помещиков и капиталистов с польским народом — пролетариатом и крестьянством. Наоборот, в польских рабочих и крестьянах они всегда видели братьев по совместной борьбе с эксплуатацией и гнетом, и свое освобождение непосредственно связывали с освобождением польского народа от буржуазно-помещичьего угнетения.

В общей борьбе против помещиков и капиталистов еще больше закалилась дружба между польским и белорусским народами, имеющая многовековую историю.

В исторические сентябрьские дни 1939 года трудящиеся Западной Белоруссии в результате освободительного похода Красной Армии были навсегда избавлены от национального и социального гнета. Воссоединенные в единой Советской Социалистической державе они зажили новой, свободной и счастливой жизнью.

Теперь трудящиеся западных областей Белоруссии вместе со всем советским народом под руководством Коммунистической партии самоотверженно борются за построение коммунизма в нашей стране.

В заключение хочется сказать несколько слов нашей молодежи.

Дорогие товарищи! Если хотите знать настоящее, изучайте прошлое. Цените чудесную жизнь, созданную для вас Коммунистической партией и советской властью. Помните, что эта жизнь далась не легко. За нее пролито много крови, отдано немало человеческих жизней. Не разминивайте вашу жизнь на мелочи. Она дается только однажды, и ее надо прожить честно, с максимальной пользой для своей Родины и своего народа. Не ищите легкого счастья, ибо это — заманчивый мираж. Самое большое и настоящее счастье для каждого честного человека — в служении народу. Неважно, кем и кто из вас будет, где ему придется жить, на юге страны или на далеком Севере, быть шахтером, агрономом, летчиком, моряком или профессором, — везде и всюду честно выполняйте свой долг перед Родиной и народом, и они скажут вам спасибо.

Любите Родину и Коммунистическую партию. Помните, что наша партия впервые в истории прокладывает путь к счастливому будущему всего человечества — коммунизму. Стойте за дело коммунизма так, как стояли ваши отцы и старшие братья.
